

«СВОБОДНЫЙ МИР»: СУДЬБЫ ИСКУССТВА

юнца» или на завязатого шулера, — можем ли мы доверять Пьюзо в том, что насаются скрытых камер и потайных устройств, которые применяют крупье для осмотра залов казино?»

Словно отвечая Макферсону (предположение вполне вероятное — интервью в «Эпоке» появилось много позже, чем рецензия в «Интернэшнл геральд»), Пьюзо продолжает защищать себя с той же «оригинальной» позиции завсегда-тая игорного дома:

«Один критик рассчитывал уязвить меня, написав, что уровень моих книг так же низок, как уровень умственного развития тех, кто их покупает. Но он просто ничего не понял. Он не знает, что такое держать на руках две двойки

известна — писатель сам позаботился, чтобы она стала широко известна, — история о том, как летом 1968 года, сдав в издательство «Г. П. Патнэм и сыновья» пухлую и, как он полагал тогда, сырую рукопись «Крестного отца» под небольшой аванс, Пьюзо отбыл в Европу с обязательством «дотянуть» книгу по возвращении. В Европе дела у него сложились, мягко говоря, неважно, он наделал долгов, пытался «поработать» в казино французской Ривьеры и западногерманских курортов, проигрался в пух и прах и, не найдя иного выхода, принялась жульничать с кредитными кар-

ным коммерческим успехом? Не последнюю роль в переосмыслении собственных взглядов сыграли для Пьюзо и похвалы, которых удостоился «Крестный» от... главарей мафии, очень довольных тем, какими умными, проницательными, заботливыми по отношению к ближним вывели их в романе. Как вспоминает сам Пьюзо:

«После того, как книга приобрела известность, меня представили нескольким джентльменам, имеющим непосредственное отношение к ее сюжету. Они мне льстили. Они наотрез отказывались верить, что я никогда не был замешан в темных делах. Они отказывались верить, что я никогда не выступал в роли доверенного лица у какого-нибудь «дона».

Дальше — больше. «Дотянуть» «Крестного», учесть критику, снять длинноты и повторы Пьюзо так и не собрался. По прошествии нескольких лет небезызвестный жур-

Иорк ревью оф бумс», — продирался по страницам «Глупцов», я то и дело спрашивал себя: найдется ли хоть кто-нибудь, кто сумеет получить удовольствие от чтения столь унылой белиберды? И тем не менее — ей суждено стать бестселлером...»

Опытный критик не ошибся: «Глупцы умирают» стали бестселлером. Когда дошло до торгов за право издания романа, Пьюзо повел их в полном соответствии с правилами азартной игры. Сам он сидел дома, на загородной вилле, а Кандидо Донадио, сохранившая за собой титул его литературного агента, информировала босса о происходящем по телефону. Цифры росли неуклонно. Поутру Пьюзо, игравшему на своем личном корте в теннис, сообщили, что предлагаемая сумма превысила миллион долларов. «Держитесь», — отвечал он с лаконизмом биржевого маклера. После полудня ставки перевалили за два миллиона. И только поздно вечером «крестный отец бестселлеров» смилостивился: «Продаем». «Г. П. Патнэм и сыновья» купили «Глупцов» за неслыханную в издательской практике сумму — 2 миллиона 200 тысяч долларов плюс еще 350 тысяч за очередное переиздание «Крестного».

Что могут противопоставить этому «придиры»-критики? Их замечания, даже самые желчные, становятся чем-то вроде пикантного соуса к блюду, которое любой здравомыслящий американец приучен уважать с пеленок. 2550 тысяч долларов — это не шулка. Заплатили — значит, было за что... Крутятся колеса рекламы, с избытком возмещая издателей их миллионные расходы, а Пьюзо, понаторевший за эти годы в коммерции, подливает масла в рекламный огонь, представляя себя устно и печатно прожженным игроком, выплеснувшим в новой книге самую свою душу...

«Если какому-либо сумасшедшему, — написал он однажды в порыве откровенности, — взбретет в голову мысль создать произведение искусства, то пусть он занимается этим на свой страх и риск, за свой счет и время. Когда-то я искренне верил в искусство. Я не верил ни в бога, ни в любовь; ни в мужчин, ни в женщин; ни в общество, ни в философию. Я верил только в искусство. Верил на протяжении сорока пяти лет. Эта вера давала мне утешение, которого я не мог найти ни в чем ином. Но... психологическое и экономическое давление было слишком уж велико и нестерпимо».

Он действительно когда-то, еще до «Крестного отца», написал два интересных романа: «Темная арена» и «Удачливый пилигрим». По выходе их в свет автора снисходительно похвалили, признали «многообещающим» — и оставили нищим. Он сделал выводы. Он отрекся от «веры в искусство» — и стал миллионером.

А еще утверждают — Пьюзо счел за благо повторить эту прописную истину и в романе, и в интервью, — что игрок всегда в проигрыше... Да, всегда, кроме одного случая: если он вступает в сговор с теми, кто держит банк, и «работает в пользу заведения». Именно так поступает в последние годы Марио Пьюзо, писатель-игрок, принесший свой талант в жертву золотому тельцу и вознагражденный за то рекламной славой и толстой чековой книжкой.

«Когда я с грехом пополам, — пишет Роджер Сейл из авторитетного литературно-критического обозрения «Нью-

О БИТОВ

Азартные игры Марио Пьюзо

ЛИЦА СКВОЗЬ ФАКТЫ

точками фирмы «Америкэн экспресс». Естественно, это не могло остаться безнаказанным, незадачливому жулику грозила тюрьма, и, едва сойдя с трапа самолета в Нью-Йорке, Пьюзо юкнулся к своему литературному агенту Кандиде Донадио со слезной мольбой одолжить ему хоть какую-то сумму на случай, если его арестуют и придется вносить залог. И только тут узнал, что за время своего отсутствия... стал миллионером: без ведома автора и вопреки его воле издательство пустило рукопись в производство, а «Хлесткая» тема «Крестного» обеспечила ему рекламу и сбыт.

Сперва Пьюзо стеснялся несовершенств своего детища, обращенного в бестселлер, болезненно воспринимал замечания критиков, пытался оправдываться тем, что в свет выпустить, по существу, неотработанный черновик. Потом привык к критическим нападкам, вернее, научился не обращать на них внимания: многого стоят все критики, вместе взятые, какие-то там художественные достоинства и недостатки в сравнении с бесспор-

«Если я попаду на небо, то не нужно мне ни райской музыки, ни почетного эскорта ангелов. Пусть там будет красный ковер, стол, крытый зеленым сукном, и крупье, который без всяких разговоров предоставит мне неограниченный кредит. И если есть на небе бог, то пусть он хоть раз подыграет тому, кто делает ставку...»

«Мир, 29.10.79, 37 руб.»

Такое экстравагантное пожелание высказал недавно в интервью итальянскому журналу «Эпока» американский писатель Марио Пьюзо. Тот самый Пьюзо, который в Соединенных Штатах прозвали полунасмешливо — полууважительно «крестным отцом бестселлеров», ибо его роман «Крестный отец» о жизни мафии, выпущенный десять лет назад, был за это время напечатан и распространен тиражом большим, чем Библия, и принес своему создателю — редкостный факт — многомиллионное состояние. Можно без преувеличения сказать, что все последние годы Пьюзо жил на проценты с «Крестного отца», бесконечно переиздавая и комментируя его, переименовав для кино, то для телевидения, — но вот наконец выпустил новую книгу. И теперь дает интервью, мотивируя выбор темы, истолковывая то, что написал...

Написанное и вправду, пожалуй, нуждается в истолковании. Тема нового романа Марио Пьюзо «Глупцы умирают» — игроки и нравы Лас-Вегаса. Завязка: некто Джордан, выиграв в баккара 400 тысяч долларов за одну ночь, наутро поднимается к себе в номер и пускает пулю в лоб. Читатель узнает также о том, что за большими часами в главном зале аэропорта Лас-Вегаса установлены скрытые камеры, снимающие всех вновь прибывших, что хозяева казино, дабы игроки стали беспечнее, подбавляют в систему кондиционирования воздуха чистый кислород, что по игорным залам бродят роковые красавицы, делающие с целью разжечь страсти крупные ставки за счет заведения... Что же, выходит, перед нами — роман-разоблачение, роман-обвинение? Ничуть не бывало.

Предоставим слово самому Марио Пьюзо.

«Конечно, игра вредна, — исповедуется он интервьюеру из «Эпоки» Мартино Дуане, — но разве не вредны войны, новые достижения промышленности, секс, организованные религии? Мне говорят, что я, как писатель, как художник, не должен опускаться до уровня подонков Лас-Вегаса. А почему? Ни в одной из книг об азартных играх, которые мне довелось читать, даже у Достоевского, я не нашел описания главной пружины в жизни игрока — того наслаждения, какое приносит ему игра. Везде и всюду одни только трагедии, дамочков меч, нависший над банкротом, распавшиеся семьи, любовь, потопленная в крови, и труп самоубийцы, выловленный наутро в Сене или Темзе. А почему не рассказать о наслаждении, какое доставляют челове-

ку пара костяных кубиков с черными точечками, клоунская физиономия джокера или червоная дама?»

Но позвольте, ведь в новом романе Пьюзо завязка, казалось бы, тоже построена на трагедии — на «утреннем самоубийстве» Джордана! В том-то и дело, что завязка есть, а трагедии нет. Во-первых, какая же это трагедия, если она не основана ни на чем, кроме желания раззадорить читателя: о причинах самоубийства автор нам ровным счетом ничего не сообщает. Во-вторых, разрешите напомнить заголовок романа — «Глупцы умирают»: окажись Джордан умнее, он, очевидно, распорядился бы своей судьбой, да и деньгами иначе. А в-третьих, главное: тот иллюзорный, беспечно-шикарный мир, где можно выиграть 400 тысяч за одну ночь, где нет бога, кроме азарта, и куда зовывает читателя Пьюзо, просто



Рисунок В. СКРЫЛЕВА

не подчиняется законам нормальной жизненной и литературной логики. Передергивают игроки, передергивает банкотмет, передергивает след за ними и сам писатель.

«Конечно же, — замечает по этому поводу литературный обозреватель «Интернэшнл геральд трибюн» Уильям Макферсон, — мы читаем романы, подобные «Глупцам», не ради глубокой философии или изящного слога. Мы берем их с целью познакомиться с какими-то сторонами жизни, на которую у нас практически нет шансов взглянуть собственными глазами, — и мы ожидаем точности в деталях... Но когда автор столь невнимателен и мелочам — он, кажется с трудом вспоминает, о чем уже рассказывал нам, а может, просто не удосужился перечитать рукопись вторично, — тогда читатель поневоле начинает сомневаться и во всем остальном. Когда мы не можем положиться на память автора в том, носит ли Жакель очки или контактные линзы, походит ли Венди на Медузу или на Медузу, а Чарли Браун — на «невинного